

Юношескія произведенія Пушкина.

Сочиненія *Пушкина*. Изданіе императорской академіи наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ *Леонидъ Майковъ*. Т. I. Спб. 1899 г.

Первый томъ академическаго изданія сочиненій Пушкина, давно уже подготовлявшійся, вышелъ какъ-разъ ко дню столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта. Въ этотъ томъ вошла пока сравнительно только незначительная часть сочиненій поэта—его раннія лирическія стихотворенія.

Въ изданіяхъ сочиненій Пушкина стихотворенія эти носятъ обыкновенно названіе «лицейскихъ». Такъ называется ихъ и академическое изданіе. Едва-ли названіе это правильно, и притомъ не только потому, что академическое изданіе отнесло къ этому разряду стихотворенія второй половины 1817 года, написанныя уже по выходѣ Пушкина изъ лицея, и напротивъ не включило ни первыхъ пѣсень «Руслана и Людмилы», написанныхъ въ лицей, ни такъ-называемыхъ нецензурныхъ стихотвореній, даже «Вишни», весьма характерныхъ для этого періода жизни Пушкина, но и по гораздо болѣе существенной причинѣ. А именно, въ этихъ стихотвореніяхъ нѣтъ рѣшительно ничего лицейскаго, ученическаго. Есть, правда, въ числѣ ихъ нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ лицейскимъ товарищамъ и лицейскимъ шалостямъ; но такихъ очень немного, да и по выходѣ изъ лицея Пушкинъ охотно писалъ подобныя пьесы по случаю годовщинъ лицейскаго

праздника. Еще менѣе въ этихъ стихотвореніяхъ ученическаго, свидѣтельствующаго объ учебныхъ годахъ автора. Правда, мѣстами замѣтно, что мы имѣемъ дѣло съ еще незрѣлымъ талантомъ; но до лица это не имѣетъ никакого отношенія. Пушкинъ является въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ вполне развитымъ, оригинальнымъ поэтомъ; читая его стихи, нельзя думать о воспитанникѣ учебнаго заведенія, да такъ-же смотрѣли и его современники, печатавшіе произведенія юнаго поэта въ серьезныхъ журналахъ для взрослыхъ. Единственно, что говорить объ учебномъ заведеніи—это нѣкоторая безсемейность идеаловъ поэта, особенно сказывающаяся въ его любовныхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ, до самаго окончанія поэтось курса, слышится какая-то рѣзкость, какая-то чуждость духовному существу женщины, свойственная казармѣ или закрытому учебному заведенію.

Принято думать, что пушкинскіе стихи начала его поэтической дѣятельности только простыя подражанія разнымъ французскимъ и отечественнымъ поэтамъ, особенно Парни, Батюшкову и Жуковскому. Критики указываютъ даже, что въ такой-то пьесѣ или даже въ такомъ-то стихѣ Пушкинъ подражалъ такой-то пьесѣ такого-то другого поэта. Замѣчанія эти свидѣлствуютъ о начитанности критиковъ, но едва-ли говорятъ въ пользу ихъ критическаго чутья. Что значитъ «подражать»? Не указываетъ-ли это на отсутствіе оригинальности? На превосходство того, кому подражаютъ? Пушкинъ-же не только всегда выше своихъ мнимыхъ образцовъ — ихъ стихотворенія теперь уже давно позабыты, а пушкинскіе перечитываются съ неослабѣвающимъ интересомъ,—но и всегда при сходствѣ даже сюжетовъ глубоко своеобразны. Все дѣло въ томъ, что въ тѣ времена опытъ Пушкина не былъ еще настолько обширенъ, чтобы онъ могъ изъ него черпать темы для своихъ вдохновеній, и ему приходилось почерпать ихъ изъ литературы. Но беря готовые факты и положенія, Пушкинъ самостоятельно ихъ передумывалъ и давалъ свое освѣщеніе. Эгою чертою объясняются въ особенности его многочисленныя позаимствования изъ Парни.

Парни не былъ особенно крупнымъ поэтомъ, и конечно во всѣхъ отношеніяхъ былъ неизмѣримо ниже Пушкина. Но тогда это былъ, что называется, «модный» поэтъ. Его «легкая» поэзія, въ которой говорилось о личныхъ чувствахъ и преимущественно о наслажденіяхъ Эротомъ и Бахусомъ, была тогда въ ходу, въ особенности въ Россіи, гдѣ уже начинали смутно цѣнить значеніе личности, но еще не умѣли избавиться отъ крѣпостническихъ замашекъ. Естественно, что и Пушкинъ въ первую пору своей поэтической дѣятельности также посвятилъ себя этой «легкой» поэзіи. Но не трудно замѣтить, что уже съ первыхъ шаговъ онъ расходился съ Парни въ самомъ существенномъ. Въ то время какъ французскій поэтъ смотрѣлъ на женщину исключительно какъ на орудіе наслажденія и не видѣлъ въ ней человѣка, такъ что даже злорадствовалъ при мысли, что непреклонная красавица съ годами потеряетъ красоту и обаяніе, Пушкинъ въ пьесѣ «Измѣны», наполовину переведенной изъ Парни, относится къ женщинѣ несравненно человѣчнѣе. Въ другой пьесѣ, тоже отчасти заимствованной у Парни, «Я видѣлъ смерть», русскій поэтъ вставляетъ трогательное прощаніе съ природой, между тѣмъ какъ для французскаго поэта природа всегда оставалась нѣмою. Тоже и въ живописной картинѣ «Леда», изъ которой Пушкинъ устранилъ неумѣстное нравоученіе и добавилъ красивый пейзажъ. Словомъ, какъ всегда, оставаясь вѣрнымъ всему лучшему, что было у Парни — его высокому представленію о личности, его страстности, пылкому воображенію, Пушкинъ отражалъ, не воспринимая, его болтливость, сластолюбіе и сухость. Въ подобныхъ-же отношеніяхъ находится Пушкинъ и къ Батюшкову. Указываютъ, что посланіе послѣдняго «Моимъ Пенатамъ» дало Пушкину сюжетъ для многихъ его стихотвореній, въ томъ числѣ между прочимъ для пьесъ «Къ сестрѣ» и «Городокъ», принадлежащихъ къ лучшимъ изъ раннихъ стихотвореній Пушкина. Ближайшее сличеніе этихъ произведеній не оправдываетъ такого предположенія. Одинаковъ только размеръ; содержаніе-же, а главное симпатіи Пушкина, выраженные въ этихъ пьесахъ, говорятъ о глубокой ориги-

нальности автора. Сходство ограничивается формой, но личность обоихъ поэтовъ различна.

По содержанію первыя лирическія стихотворенія Пушкина состоятъ, во-первыхъ, изъ нѣсколькихъ очень удачныхъ переводовъ изъ Оссіана, Парни и Вольтера. Выборъ пьесъ, впрочемъ, довольно случайный и объясняется въ примѣчаніяхъ Л. Н. Майкова событіями изъ жизни поэта. Тѣмъ не менѣе, всюду виденъ вкусъ молодого поэта и умѣнье проникаться духомъ подлинника.

Во-вторыхъ, слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько лицейскихъ шутокъ и эпиграммъ на товарищей. Въ эпиграммахъ видны уже когти поэта, но видна и его чистая душа. Нѣтъ ничего низкаго и браннаго въ его насмѣшкахъ, порой ядовитыхъ, и осмѣивая недостатки своихъ товарищей, онъ щадитъ ихъ личность. Изъ числа лицейскихъ пьесъ интересна «Пирующіе студенты», послужившая прототипомъ позднѣйшимъ стихотвореніямъ на лицейскія годовщины и дающая уже очень мѣткія и остроумныя характеристики товарищей поэта по лицу.

Въ-третьихъ — политическія стихотворенія Пушкина. Въ нихъ, пожалуй, меньше всего оригинальнаго, хотя и ученическими ихъ назвать нельзя. Но у Пушкина въ то время не было еще самостоятельныхъ воззрѣній, и на событія 1812—15 годовъ онъ смотрѣлъ глазами лучшихъ изъ своихъ современниковъ, почему въ пьесѣ, написанной на возвращеніе императора Александра I въ 1815 г., повторилъ многое изъ того, что тогда-же сказалъ Жуковскій, впрочемъ независимо отъ этого поэта. Позднѣе, какъ извѣстно, Пушкинъ иначе думалъ и объ Александрѣ I и о Наполеонѣ. Тѣмъ не менѣе, въ смыслѣ художественности, пьеса Пушкина устарѣла гораздо менѣе, чѣмъ пьеса Жуковскаго, которую теперь почти невозможно читать.

Въ-четвертыхъ — сатирическія стихотворенія. Характерно, что первымъ печатнымъ стихотвореніемъ Пушкина была сатира на бездарныхъ поэтовъ. Комментаторы, конечно, видятъ въ ней подражаніе, такъ-какъ именно въ сатиры всего болѣе успѣли русскіе стихотворцы прошлаго вѣка. Но если правда то, что у Пушкина въ тѣ

временна не было еще достаточныхъ личныхъ поводовъ писать сатиры на бездарныхъ стихотворцевъ, и онъ писалъ на избитую въ то время тему,—то по отдѣлкѣ, по наивному, исполненному юмора реализму и въ особенности по превосходному окончанію, содержащему рассказъ о священникѣ, поучающемъ дѣлать, какъ онъ говоритъ, а не поступаетъ—это одна изъ чисто пушкинскихъ пьесъ.

Въ-пятыхъ — посланія къ друзьямъ, содержащія въ себѣ изложеніе симпатій и вѣсковъ поэта. Въ этихъ пьесахъ многіе тоже видятъ подражаніе, такъ-какъ идеаломъ поэта оказывается обыкновенно гораціанская лѣнь, удаленіе въ мирное захолустье, отреченіе отъ общества. Все это такъ не вяжется съ кипучей натурой поэта и съ тѣмъ образомъ жизни, какой онъ велъ, когда получилъ возможность располагать собою, что поневолѣ закрадывается предположеніе, что это просто перепѣвы изъ Горация, въ которыхъ не участвовало сердце поэта. Но слѣдуетъ отмѣтить, что изъ того, что поэтъ не осуществилъ своихъ идеаловъ, не слѣдуетъ еще, чтобы онъ ихъ не имѣлъ. Пушкинъ раздѣлялъ въ данномъ случаѣ стремленіе всѣхъ лучшихъ русскихъ того времени быть подальше отъ центра власти и жить частнымъ человекомъ, не вмѣшиваясь въ неприглядную политическую и общественную жизнь того времени. Если эти идеалы совпадали съ идеалами Горация и Тибулла, то только потому, что случайно крѣпостническій строй тогдашней русской жизни создавалъ у насъ аналогичныя съ древней римской имперіей условія для писателей. Кроме того, въ другихъ посланіяхъ Пушкинъ говоритъ опредѣленно о своемъ желаніи вступить въ военную службу, испытать треволненія любви и т. п., что онъ дѣйствительно желалъ въ то время, какъ извѣстно изъ воспоминаній о поэтѣ.

Въ-шестыхъ—легкія эротическія и вакхическія стихотворенія, написанныя въ то время, когда Пушкинъ не познакомился еще въ дѣйствительности ни съ любовью, ни съ виномъ. Тутъ больше напускная удалъ и мнимый разгулъ, но всегда выраженный въ изящныхъ, ласкаю-

шихъ воображеніе формахъ. За эти пьесы всего больше доставалось Пушкину отъ критиковъ, обвинявшихъ поэта въ безнравственности. Но общество всегда такъ создано, что охотнѣе позволяетъ поступки, чѣмъ разговоръ о нихъ. Между тѣмъ, на эти пьесы Пушкина вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на проповѣдь, а лишь какъ на художественное изображеніе игры фантазіи. Если въ этихъ стихахъ и нѣтъ ничего особенно возвышеннаго, то нѣтъ и безнравственнаго. Если-же принять во вниманіе, что всякій подъемъ фантазіи развиваетъ наши духовныя силы, то такая пьеса, какъ «Торжество Вахха», должна быть признана высокимъ произведеніемъ.

Наконецъ, въ-седьмыхъ—серьезныя стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ воспѣлъ свою первую романическую любовь. Начиная съ перваго изъ нихъ, «Посланія къ кн. Горчакову», Пушкинъ находитъ свой естественный способъ выраженія, а мелодія его стиха становится необыкновенно глубокой и проникающей въ сердце. Первая любовь пробудила и лучшія, до тѣхъ поръ дремавшія въ глубинѣ души чувства Пушкина. Напомнимъ благородное окончаніе этого посланія:

Но что! Стыжусь! Нѣтъ, ропоть—униженье!
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье:
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье!
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастье друзей.

Съ этого стихотворенія мы имѣемъ уже настоящаго Пушкина, муза котораго, гармоничная и возвышенная, не измѣняла ему до смерти.

Изъ этого краткаго обзора видно, что Пушкинъ былъ наименѣе лицеистомъ, но и въ раннихъ его стихотвореніяхъ слышался въ немъ человѣкъ и поэтъ. Правда, въ этотъ періодъ своей поэтической дѣятельности молодой поэтъ не нашолъ еще своего настоящаго характера, не сталъ во главѣ русскаго общества, но былъ только выразителемъ общихъ его настроеній. Оттого Пушкина въ первые годы его дѣятельности болѣе любили и цѣнили

современники, чѣмъ въ концѣ, когда его талантъ получилъ полное развитіе. Дѣйствительно, поэтъ не поражалъ еще своихъ читателей новыми мотивами, всегда несовсѣмъ пріятно дѣйствующими на слухъ, привыкшій къ извѣстной рутинѣ, но давалъ высоко-художественныя произведенія въ тѣхъ родахъ поэзіи, какіе были всего болѣе въ ходу и въ модѣ въ то время. Въ этихъ первыхъ своихъ произведеніяхъ по формѣ Пушкинъ былъ менѣе новаторомъ, чѣмъ даже Жуковскій. Онъ свободно черпалъ форму своихъ стиховъ и у французскихъ поэтовъ, и у русскихъ, но это не мѣшало ему оставаться вполне оригинальнымъ по духу, и хотя иногда стихъ Пушкина звучитъ совсѣмъ какъ у Батюшкова или Жуковского, но всегда онъ гораздо чище, правильнѣе и сильнѣе, чѣмъ у образца. Видно, что Пушкинъ не подражалъ своимъ образцамъ, но только разумно примѣнялъ къ дѣлу собраный ими поэтической матеріалъ.

Интересъ раннихъ стихотвореній Пушкина, значительный самъ по себѣ, необыкновенно усиливается, благодаря ихъ автобіографическому значенію. Личность Пушкина—одна изъ глубоко-интересныхъ. Даже современники всегда интересовались столько-же, если не больше, личностью Пушкина, сколько и его произведеніями. Его продѣлки, остроты, выходки были у всѣхъ на устахъ. Теперь-же, когда мы знаемъ Пушкина уже въ качествѣ великаго поэта, глубокаго мыслителя, интересъ къ его личности является еще болѣе естественнымъ. Въ этомъ отношеніи примѣчанія, которыми Л. Н. Майковъ снабдилъ академическое изданіе, значительно облегчаютъ чтеніе и пониманіе пушкинскихъ произведеній.

Обращаясь къ этимъ примѣчаніямъ, нельзя не выразить чувства особаго удовольствія по поводу ихъ полноты, толковости, чистоты языка. Все, что только можно было найти въ литературѣ по поводу каждаго стихотворенія, рассказы объ обстоятельствахъ ихъ сочиненія, о дальнѣйшей судьбѣ, о впечатлѣніи, произведенномъ на современниковъ; всѣ сколько-нибудь значительные критическіе отзывы, источники, послужившіе для сочиненія основного мотива или подробностей, остроумныя пред-

положенія о вліянні другихъ писателей—все это нашло себѣ мѣсто въ комментаріяхъ Л. Н. Майкова. Недаромъ уже по объему они болѣе, чѣмъ вдвое обширнѣе самого текста. Единственно, въ чемъ можно упрекнуть почтеннаго комментатора, это развѣ въ излишней полнотѣ его труда.

Такъ, намъ кажутся излишними подробныя сообщенія отзывовъ о Пушкинѣ Незеленова и Поливанова, критиковъ педантичныхъ, мало понимавшихъ дарованіе поэта. Незеленовъ, сверхъ того, относился недоброжелательно къ Пушкину. Каждый сколько-нибудь соблазнительный и пылкій стихъ поэта вызывалъ у Незеленова неизбѣжныя упреки въ безнравственности, которые теперь даже смѣшно читать. Отзывы такого критика, какъ Незеленовъ, могутъ теперь приводиться вмѣстѣ съ отзывами современниковъ Пушкина или Писарева только какъ курьезъ, притомъ еще съ тою разницею, что отзывы Писарева, при всей ихъ нелѣпости, остроумны, чего нельзя сказать объ отзывахъ Незеленова.

Нельзя также оставить безъ возраженій нѣкоторыя мѣста примѣчаній Л. Н. Майкова, гдѣ сообщается не только то, что дѣйствительно было, но и то, что только могло-бы быть. Мы не можемъ упрекнуть за это почтеннаго комментатора, потому-что поддаться такому соблазну очень легко—ему поддаются всѣ комментаторы классиковъ. Сверхъ того, всегда то, что сообщаетъ Л. Н. Майковъ, такъ полно живого литературнаго интереса, что всѣ страницы, посвященныя его остроумнымъ догадкамъ, читаются съ величайшимъ интересомъ, — однако-же мы предпочитаемъ даже большую сухость и полное умолчаніе, чѣмъ неосновательныя, хотя и правдоподобныя предположенія. Поэтому укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ, допущенныя Л. Н. Майковымъ.

Уже относительно самаго перваго стихотворенія Пушкина «Пѣсня» (О Делія драгая), Л. Н. Майковъ отмѣчаетъ сходство риемъ этой пѣсни («рощи» и «нощи», «тѣни» и «сѣни»), съ риемами одного мѣста посланія Жуковскаго къ Батюшкову, изданнаго, однако, лишь въ 1813 году, тогда-какъ «Пѣсня» Пушкина была написана

въ 1812 году. «Слѣдовательно, прибавляетъ комментаторъ, въ этомъ году посланіе Жуковскаго могло дойти до лицействовъ только въ рукописи, или-же самая «Пѣсня» набросана Пушкинымъ и отдѣлана Илличевскимъ уже въ 1813 году». Указаніе на сходныя риѣмы въ посланіи Жуковскаго само по себѣ не лишено интереса, но неужели-же въ молодомъ Пушкинѣ было такъ мало изобрѣтательности, что нельзя допустить, что онъ самостоятельно могъ придумать такія въ сущности простыя риѣмы какъ «рощи» и «ноши?» Одинъ фактъ находженія ихъ у Жуковскаго еще не даетъ права упорно говорить о позаимствованіи, мѣняя даже общепринятую хронологію пушкинскихъ стиховъ.

По поводу стихотворенія «Къ сестрѣ» и упоминанія въ немъ о французскомъ композиторѣ Рамо, авторѣ «Трактата о гармоніи», Л. Н. Майковъ дѣлаетъ заключеніе, что музыкальныя занятія сестры Пушкина, О. С. Павлицевой, простирались довольно далеко, до изученія теоріи музыки—вопреки непосредственному свидѣтельству племянника поэта, отвергавшаго широту музыкальных свѣдѣній у своей матери. Стихи: «иль тоны повторяетъ Пиччини и Рамо» скорѣе говорятъ о разучиваніи музыкальных пьесъ этихъ композиторовъ, чѣмъ о занятіяхъ теоріей музыки.

Небольшая эпиграмма «Венерѣ отъ Лайсы при посвященіи ей зеркала» дала Л. Н. Майкову поводъ написать цѣлый и весьма интересный историко-литературный этюдъ о греческихъ, латинскихъ и французскихъ первоисточникахъ этой пьесы, могшихъ и не могшихъ послужить поэту оригиналомъ для его подражанія. При несомнѣнной интересности этого изслѣдованія, слѣдуетъ сказать, что по отношенію къ Пушкину оно является въ сущности празднымъ, такъ-какъ установлено, что Пушкинъ перевелъ эту эпиграмму для перевода статьи Лагарпа, сдѣланнаго Пушцинымъ. Въ статьѣ-же Лагарпа упомянутая эпиграмма приведена въ переводѣ Вольтера. И изъ всѣхъ текстовъ, приведенныхъ Л. Н. Майковымъ, Пушкинскій всего ближе именно къ Вольтерову, такъ-какъ хотя у Вольтера всего 4 строки, а у Пушкина ихъ во-

семь, но тогда всѣ переводили очень расплывчато (Батюшковъ, напримѣръ, переводя Тибулла, почти удваивалъ число строкъ оригинала); основные-же стихи эпиграммы:

Je ne saurais me voir, dans ce miroir fidèle,
Ni telle que j'étais, ni telle que je suis—

переданы Пушкинымъ особенно точно:

Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.

По поводу стихотворенія «Старикъ» (изъ Марота), сравнивая первоначальную редакцію съ позднѣйшею, Л. Н. Майковъ приходитъ къ заключенію, что отличія первоначальной редакціи произошли отъ поправокъ посторонней руки (дяди поэта, В. Л. Пушкина), сдѣланныхъ съ цѣлью приблизить переводъ къ подлиннику. Предположеніе это дѣлается на томъ основаніи, что В. Л. Пушкинъ былъ большимъ почитателемъ Маро и самъ переводилъ многія его пьесы. Но дѣло въ томъ, что при сличеніи обѣихъ редакцій перевода съ оригиналомъ нельзя замѣтить большей близости къ подлиннику первой редакціи; вторая-же несомнѣнно красивѣе и удачнѣе первой, такъ-что гораздо естественнѣе предположить, что обѣ принадлежатъ Пушкину, но послѣдняя есть результатъ позднѣйшихъ исправленій, хотя, конечно, и предположеніе о вмѣшательствѣ В. Л. Пушкина, редактировавшаго журналъ, въ которомъ впервые появилось стихотвореніе Пушкина, не лишено правдоподобія, но и не имѣетъ, какъ видно, за себя никакихъ реальныхъ основаній.

По поводу стихотворенія «Гробъ Анакреона» приводится цѣлый рядъ переводовъ Анакреоновыхъ одъ, изъ которыхъ Пушкинъ могъ позаимствовать образы своей пьесы. Но переводы эти неуклюжи, а стихотвореніе Пушкина одно изъ самыхъ граціозныхъ. Очевидно, не ими вдохновился нашъ поэтъ. Сходство-же мотивовъ было неизбѣжно, такъ-какъ «Гробъ Анакреона» не что иное, какъ поэтическая характеристика греческаго поэта, и

естественно Пушкинъ долженъ былъ упомянуть въ ней наиболѣе извѣстные изъ созданныхъ Анакреономъ образъ.

По поводу стихотворенія «Къ живописцу», въ которомъ Пушкинъ, обращаясь къ нему, проситъ нарисовать портретъ его милой и рассказываетъ, какъ его надо написать, Л. Н. Майковъ приводитъ цѣлый рядъ стихотвореній—Державина, Парни и Анакреона на подобныя темы и рѣшаетъ вопросъ о томъ, у какого поэта Пушкинъ позаимствовалъ тему своего посланія, въ пользу Анакреона. Казалось-бы, мотивъ стихотворенія «Къ живописцу» такой естественный и общечеловѣческій, что могъ и самъ придти въ голову нашему поэту безъ чужого посредства.

Извѣстный мадригалъ, сказанный о Бакуниной:

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй.

Подумавъ, я скажу все то-же —

тоже заподозрѣвается Л. Н. Майковымъ въ заимствованіи, на основаніи того, что у Державина оказалось слѣдующее стихотвореніе, отмѣченное какъ переводъ съ французскаго:

Благопріятный нравъ, черты твои прекрасны

Обворажаютъ всѣхъ въ единый мигъ тобой;

Безъ разсужденія сердца тебѣ подвластны,

И съ разсужденіемъ всѣмъ шлѣнъ пріятель твой.

Но мадригалъ Державина оставался неизданнымъ до 1864 года, а французскій оригиналъ его остался Л. Н. Майковымъ неразысканнымъ, и тѣмъ не менѣе онъ считаетъ, что именно этотъ-то неразысканный оригиналъ какого-то, быть можетъ, третьестепеннаго французскаго стихотворца и далъ сюжетъ для остроумнаго Пушкина.

Есть, впрочемъ, одинъ случай, когда Л. Н. Майковъ, наоборотъ, преувеличиваетъ вліяніе молодого Пушкина на своихъ современниковъ. А именно, онъ приводитъ одно стихотвореніе Кюхельбекера, какъ напоминающее содержаніемъ и особенно размѣромъ «Пуншевую пѣсню»

Пушкина. Мы не находимъ этого сходства, и послѣднія наши сомнѣнія въ независимости въ данномъ случаѣ Кюхельбекера разсѣваются, когда мы узнаемъ въ этомъ стихотвореніи довольно точный переводъ одного изъ немногихъ отрывковъ диэирамбовъ Бакхилида, извѣстныхъ еще ранѣе послѣдней находки довольно полного текста его одъ.

Спѣшимъ оговориться, что мы выписали эти немногія неточности изъ 421 страницы весьма интересныхъ, подробныхъ и содержательныхъ примѣчаній. Сами эти неточности свидѣтельствуютъ скорѣе о желаніи комментатора быть еще болѣе обстоятельнымъ; многія изъ нихъ не лишены самостоятельнаго литературнаго интереса. И если мы остановились на нихъ такъ долго и подробно, то въ виду, такъ сказать, общаго ихъ значенія. Эти ошибки—находить связь и заимствованія тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ—общіе рѣшительно всѣмъ комментаторамъ. Вѣроятно, самое свойство ихъ работы вноситъ въ концѣ-концовъ извѣстную неправильность въ ходъ ихъ разсужденія.

Наряду съ богатствомъ и солидностью комментаріевъ, въ которыхъ новое изданіе Пушкина оказалось достойнымъ высокаго положенія, занимаемаго издающимъ его учрежденіемъ, поражаетъ небрежность и нечестивость самого изданія. Типографія академіи наукъ пользуется у насъ славой лучшей типографіи. Очевидно, слава эта не заслужена. Прежде всего начнемъ съ внѣшности. Издать стихи Пушкина въ томъ форматѣ и тѣмъ-же шрифтомъ, какимъ издаются записки географическаго общества или отчеты главной физической обсерваторіи, свидѣтельствуетъ о недостаткѣ воображенія и отсутствіи всякаго вкуса у типографшика. Но это еще меньшее зло. Всетаки изданіе отпечатано на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Хотя скучный, но опрятный видъ. Гораздо хуже выдержана корректура изданія. Кажется, хоть Пушкина въ академическомъ изданіи, которое обойдется не менѣе 36 рублей за экземпляръ, мы могли-бы имѣть безъ опечатокъ. Не тутъ-то было. Опечатокъ въ новомъ изданіи весьма много. Если еще

можно не замѣчать опечатокъ, въ которыхъ вмѣсто одной буквы попала другая совершенно безъ всякаго смысла, напримѣръ «Ва платокъ» вмѣсто «Въ платокъ» (стран. 205, строка 48), то опечатки, въ которыхъ приема на *ой*, замѣняется приемомъ на *ою*, гдѣ предлогъ *вз* замѣняется въ ущербъ размѣру предлогомъ *во*, дѣйствуютъ уже неприятно. А именно такихъ опечатокъ особенно много. Еще неприятнѣе дѣйствуетъ на глазъ неправильное распредѣленіе стиховъ по строфамъ, придающее мѣстами неряшливый видъ изданію. При такой небрежности корректуры порой возникаютъ невольныя сомнѣнія въ самомъ текстѣ пушкинскихъ стиховъ. А это уже важный недостатокъ изданія. Нельзя не пожелать, чтобы послѣдующіе томы академическаго изданія были свободны отъ него.

П Красновъ.
